

Идея «всемирной и вселенской Церкви» (27, 19) уже была сформулирована Достоевским в январском выпуске «Дневника». В. С. Соловьев отмечал в связи с этим, что мысль последнего выпуска «Дневника» о «Церкви как общественном идеале» должна была лечь в основание замысла нового романа или серии романов, открывавшейся «Братьями Карамазовыми».⁷

Теперь мы видим, что наряду с разработкой этой идеи художественными средствами Достоевский собирался значительно углубить концептуальную разработку ее в «Дневнике писателя».

А. В. АРХИПОВА

«ОППОЗИЦИЯ БЮРОКРАТИИ»

В XXVII т. Полного собрания сочинений Достоевского опубликована заметка писателя, сделанная на письме к нему, в марте 1877 г.: «Оппозиция бюрократии. Бьют мимо цели. Главного-то шагу и не видят, так же как и писавший о Левине. Сущность в воспитании нравственного чувства» (27, 90). К сожалению, заметка эта не прокомментирована. Между тем смысл ее полностью раскрывается содержанием анонимного письма, на конверте которого Достоевский и сделал эту запись. Письмо, отправленное из Петербурга 19 марта 1877 г. и подписанное буквой З., явилось откликом на февральский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. Оно было опубликовано И. Л. Волгиным еще в 1971 г.¹ и привлекло отчасти внимание комментатора «Дневника писателя» за 1877 г. (см.: 25, 353). Февральский выпуск «Дневника» 1877 г. вызвал много читательских писем к Достоевскому самого различного характера и содержания,² но письмо З. выделяется среди них широтой и, можно сказать, конструктивностью в постановке проблем. Это принципиальная полемика представителя либерального лагеря с автором «Дневника писателя». Корреспондент Достоевского, по-видимому, уважающий писателя и сочувствующий ему, вынужден тем не менее отметить: «Ваша искренняя, живая речь (такое редкое явление в современной печати) вызывает часто самое горькое сожаление, даже негодование — тем, что не попадает в цель, тратится по-пустому».³ Причину этого З. видит в том, что Достоевский исходит не из конкретного положения вещей, «не из требований настоящего, а из отвлеченного

⁷ Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского. Первая речь // Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 3. С. 197—198. Со ссылкой на разговор автора с Достоевским в 1878 г. К свидетельству В. С. Соловьева мое внимание привлек Г. М. Фридендер.

¹ Вопр. лит. 1971. № 9. С. 187—188.

² См.: Волгин И. 1) Письма читателей к Достоевскому // Там же. С. 173—178; 2) Доказательство от противного. Достоевский-публицист и вторая революционная ситуация в России // Вопр. лит. 1976. № 9. С. 100—141, особенно с. 122—136.

³ Вопр. лит. 1971. № 9. С. 188.

принципа». В этом, по мнению автора письма, — сходство Достоевского с «нашими радикалами» — «молодежью по преимуществу», которые «не имеют под собой почвы». «И Вы, и они, — продолжает З. — крепко, до болезненности чувствуете кавардак настоящего; и Вы и они в своих стремлениях — определить выход из этого настоящего имеете точкой опоры принцип, а не то „что есть“». Проповедь Достоевским идеалов «любви и умиротворения человечества» и роли славянства при этом, подлинного равенства и «освобождения личности» — все это, конечно, благородные задачи, но идеалы эти не новы, «это все очень давно известно», а способ достижения идеалов совершенно не занимает автора «Дневника писателя». Высказанные Достоевским рекомендации в февральском выпуске «Дневника писателя», видимо, представляются З. утопичными и нереальными. «И Ваша проповедь — живое слово, и речи наших радикалов имеют своим предметом только развитие, иллюстрации самой цели, позабыв о средствах, о том, с чего следует начать».⁴

По всей вероятности, автор этого письма усмотрел определенный утопизм в высказанных Достоевским суждениях в главке «Русское решение вопроса» («Дневник писателя». 1877 г. Февраль. Гл. вторая). Достоевский здесь противопоставил «западному» «буржуазному» подходу к решению общественных проблем экономическими и социально-политическими средствами — «русский»: решение тех же проблем исключительно нравственным путем, в котором положительный пример отдельной личности играет первостепенную роль. Будущие и уже начинающиеся люди, писал Достоевский, «пока еще не спелись < . . . >, они страшно как разбиты на кучки и лагери в своих убеждениях, но зато все ищут правды прежде всего < . . . >. Поверьте, что если они вступят на путь истинный, найдут его наконец, то увлекут за собою и всех, и не насильем, а свободно. Вот что уже могут сделать единицы на первый случай. И вот тот плуг, которым можно поднять нашу „Новь“. < . . . > Правда, мы очень развратны, очень малодушны, а потому не верим и смеемся. < . . . > Но чистые сердцем поднимаются и в нашей среде — и вот что самое важное! Вот этому надо верить прежде всего, это надобно уметь разглядеть. А чистым сердцем один совет: самообладание и самоодоление прежде всякого первого шага. Исполни сам на себе прежде, чем других заставлять, — вот в чем вся тайна первого шага» (25, 63). З. не увидел в этой проповеди никакого разговора о средствах достижения цели и, упрекая Достоевского в непонимании «настоящего», предложил свой «способ» решения насущных проблем. «Что нашему отечеству недостает, — подчеркнул он, — так это гражданского развития, сознания своей причастности к нашей гражданской жизни. Нами управляет бюрократия, и управляет бесконтрольно. Люди хорошие, честные сторонятся от администрации, презирают ее *втихомолку* и не верят ей — развиваясь и участь для развития и науки, а не для жизни общественной, как бы было желательно; и отрицательное отношение к мерзостям является совершенно, безусловно пассив-

⁴ Там же.

ным». Считая «отрицательное отношение к явлениям общественной жизни» у Достоевского тоже «пассивным», корреспондент его снова подчеркнул: «Нам нужна резкая оппозиция бюрократии, ее невежественному, всепоглощающему, нахальному деспотизму, в чем бы он ни проявлялся».⁵

Прочитав письмо З., Достоевский, казалось бы, ни в чем не согласился со своим оппонентом. Запись на конверте его письма это подтверждает.⁶

Не организованная оппозиция бюрократии, не создание каких бы то ни было гражданских общественных институтов, противопоставленных административной государственной системе, а только «воспитание нравственного чувства» (27, 90) в каждой отдельной личности может, по убеждению Достоевского, спасти общество от разложения и гибели.

Однако, отвергнув положения письма З., Достоевский, видимо, не забыл его. «Каждое письмо, полученное автором „Дневника“, так или иначе становилось фактом его писательского сознания», — справедливо заметил И. Л. Волгин.⁷ В январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 г. Достоевский вернулся к вопросам о бюрократической системе в России, и, может быть, в его рассуждениях на эту тему есть некая оглядка на письмо своего давнего оппонента.

Впрочем, о порочном государственном устройстве России, о засилье бюрократии, угнетающей народ, Достоевский думал и писал еще начиная с 1860-х гг. Он считал появление бюрократической системы результатом петровских реформ и называл чиновников, созданных Петром I, «немецкой бюрократией» (20, 14). Разделение общества на две чуждые и враждебные друг другу части, утрата господствующим классом своих национальных корней представлялись Достоевскому главной причиной утверждения бюрократического способа правления в России. «Бюрократия развивалась в ущерб народным интересам, давление сверху становилось тяжелей и тяжелей, возбуждая больший упор в народе. Крепостное право усиливалось, об образовании народа думали только немногие горячие головы. < . . . > Высшие классы скоро потеряли самый язык, на котором говорила масса» (20, 15). Народ перестал верить господам и чиновникам и принимал «с недоверчивостью, даже с неудовольствием» попытки любых преобразований, если они выходили «не из народной среды» (там же).

Замысел Петра I — открыть путь в высшее сословие лучшим людям при помощи табели о рангах — оказался на деле неосуществленным. «. . . никому в голову не придет, что статский советник и действительный» дается за совершенство нравственное, тогда как в строгом смысле так и должно бы быть», — писал Достоевский в 1876 г.,

⁵ Там же.

⁶ Среди сохранившихся письменных откликов на февральский выпуск «Дневника» рассуждений о Левине обпаружить не удалось. Видимо, это письмо не сохранилось.

⁷ Рус лит. 1974. № 1. С. 151.

задумывая статью о чиновниках для сентябрьского выпуска «Дневника писателя» (см.: 24, 261—262). В период резкого обострения оценок деятельности Петра I Достоевский считал его реформу государственного аппарата и создание класса чиновников совершенно вредным и антинародным делом.⁸

Рассматривая русскую («немецкую») бюрократию как заимствованное с Запада, чуждое русской природе явление, Достоевский, возможно, предполагал, что окончание «петровского периода» русской истории, которое он видел в отмене крепостного права, изменит русские государственные институты. Однако скоро убедился, что этого не происходит. Наоборот, бюрократический метод управления страной год от года разрастается, он разъедает все общество и вбирает в себя те общественные установления, которые при создании их были призваны противостоять государственному административному аппарату.

Этому вопросу и посвящен ряд страниц его последнего, январского, «Дневника» 1881 г. Возможно, давнее письмо «одного из почитателей» своего «почтенного и искреннего издания», требовавшего «резкой оппозиции бюрократии», припомнилось теперь Достоевскому.

Говоря иронически об «оздоровлении корней», которое призвано осуществить ожидаемые реформы, Достоевский замечает: «... всегда, и прежде, и десять лет тому, употреблялись многие средства на оздоровление корней: назначались ревизии, устраивались комиссии для исследования благосостояния русского мужика, его промышленности, его судов, его самоуправления, его болезней, его нравов и обычаев и проч., и проч. Комиссии выделяли из себя подкомиссии на собрание статистических сведений, и дело шло как по маслу, то есть самым лучшим административным путем, какой только может быть» (27, 13). И в другом месте: «Мы вот довольно часто сокращаем штаты, персонал чиновников, а между тем в результатах выходит, что и штаты и персонал как бы всё увеличиваются» (27, 28). Речь, таким образом, идет о системе, вполне отчужденной от общества, не поддающейся влиянию извне, воспроизводящей самое себя. Предоставив слово воображаемому чиновнику-бюрократу, Достоевский заявляет его устами, что «вот уже почти двести лет, с самого Петра, мы, бюрократия, составляем в государстве *всё*; в сущности, мы-то и есть государство и *всё* — а прочее лишь привесок» (27, 28). Те же новые формы общественной жизни и организации, которые начали было возникать после крестьянской реформы («самоуправление, ну там земство и прочее»), не смогли ничему противостоять. «Оказалось теперь ясно, — замечает воображаемый бюрократ, — что и всё это новое тотчас же начало само собою принимать наш же облик, нашу же душу и тело, в нас перевоплощаться. И произошло отнюдь не нашим давлением (это ошибочная мысль), — а именно само собою, ибо от вековых привычек отучаться трудно, а если хотите, то и не надо. . .» (27, 29). И даже если приказать новым учреждениям, например земству, быть вполне самостоятельными и противостоять

⁸ См. запись в тетради 1872—1875 гг. — 21, 272.

сложившейся административной бюрократической системе, то и из этого ничего не выйдет. Все они, по утверждению того же бюрократа, «сами собою, еще пуще запросятся к нам и кончат тем, что станут чиновниками уже вполне, дух наш и образ примут, всё у нас скопируют» (27, 30). Достоевский вполне ощущал существование в России некоей «сверхструктуры» или «суперсистемы», поглощающей все виды жизни, заражающей и разъедающей всяческие ростки какого бы то ни было движения, стремящегося ей противостоять. Поэтому, вероятно, было столь скеплично его отношение к призывам своего корреспондента З. дать отпор бюрократии при помощи создания новых общественных институтов гражданского самоуправления.

Правильность и в какой-то мере прозорливость оценок Достоевским силы русской административно-бюрократической системы подтверждается размышлениями современного философа. В предисловии к публикации дневников В. И. Вернадского, озаглавленном «Уроки высокой гражданственности», доктор философских наук И. Мочалов пишет: «Мир велик и история его невообразимо сложна; но в нашей, „домашней“ истории в глаза бросается одно обстоятельство: начиная по крайней мере с эпохи петровских реформ, если не ранее, и до наших дней при всех больших или малых, прямых или косвенных, удачных или неудачных, глубинных или верхушечных, мирных или насильственных социальных преобразованиях просматривается общая закономерность — ни одно из этих преобразований не смогло не то что разрушить, но даже сколь-нибудь основательно расшатать некую социальную сверхструктуру, некую авторитарную, э л и т а р н о - б ю р о к р а т и ч е с к у ю по своей природе суперсистему, словно гигантским обручем стягивающую общество. На протяжении столетий Россия была лишена способности к самоорганизации и саморазвитию в силу полного или почти полного отсутствия эффективно функционирующей системы обратных связей, вследствие чего малоподвижное, консервативное „целое“ буквально расплющивало „маленького человека“. Проникающая во все поры общества, эта суперсистема играла и играет роль своего рода инварианта российской истории — словно сказочная птица Феникс, она вновь и вновь возрождалась в новых одеяниях и „доспехах“. Устойчивость ее, сопротивляемость внешним воздействиям оказались просто поразительны; терпели поражения классы, партии, государства, армии, личности — она одна оставалась и до сего времени остается непобежденной».⁹

Но если современный ученый видит возможность подрыва этой «сверхструктуры» путем организации «эффективно функционирующей системы обратных связей», т. е. в существовании на деле гласности, контроля, подотчетности, соблюдении принципов демократического устройства и правовых норм, то Достоевский утопически полагался исключительно на нравственное самоусовершенствование личности, которое каждый должен начинать с себя.

⁹ Нов. мир. 1988. № 3. С. 207.